

Когда сквозь шум докучных голосов
Прорвется гибельное пенье,
И снова крыльев шумное движение,
Слепящий свет, поющих черных ртов
Провалы... Головокружение.

* * *

Дырявый плащ и вдохновенный взор,
Весь театральный этот хлам и сор,
Увядший лавр, поломанный венок,
Седые пряди вдоль горящих щек...
О Муза, стыд какой, какой урок!
Весь реквизит так жалко невесом.
Пройдись теперь без грима колесом!

Александр Горнон

Краб

Я краб, я граб,
я крепок, смел и груб, —
не зверь-цветок,
не рыбка золотая.
Я вскормлен морем,
вписываюсь в грунт,
весь век тружусь,
клешней не покладая.

Я краб,
мне так начертано судьбой.
Предвидя время пляшущего буя,
ораторствуя, ширится прибор,
кипящей галькой выговор шлифуя.

Я краб, я жду
у каменной гряды —
мне не к лицу собою поступаться.
Ржавящий от соли и воды
с рождения сердце стягивает панцирь.

Да, краб я, пусть —
не рыба, как они!
Венец не я,
мой дом еще не терем,
как мнус — лоб,
и только, две клешни
когда свожу,
напомню череп,

но рад я, краб,
карабкаясь, подлезть
под свод любой,

призер по мертвой хватке,
я принимаю мир, какой он есть,
в свои неодолимые рогатки.

Прибойна жизнь,
сестра, как острога.
Но в море нашем
мы живем как братья:
мой объятья — только для врага,
И каждый — враг,
лопавший мне в объятья.

* * *

Здесь ладожский лед
не бросает свой якорь.
Здесь время плывет,
полулежа на мягкой,
воздушной подушке,
и смотрит как в воду
полдневная пушка,
служа обиходу.

Поднявшись со дна
на ходулях их прошлых
до наших дней на
водолазных подошвах,
здесь город, как город,
во многом известен
по сходству:
на мокром
воздвигнутый месте,

по свету,
что дарит
(не этого мира)
алтарик
любительский
в старых квартирах,
где молча ровесницы
века, слезинки
смахнув, еще крестятся
на фотоснимки,

где лезут на воздух
в обозе мензурок
из кожи нервозных
жилых шгукагурок,
где всех породнит
облицовочный кафель,
где принят гранит
под язык эпиграфий...
и горлом
идет
жестяным
дождевая... .

Здесь город,
в котором
живем, обживая
мир выживший,
давний,
затеявший душу —
и выбросившийся
домами на сушу.